

СОСТОЯНИЕ И СТРУКТУРА ПРЕСТУПНОСТИ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ

Е. А. Зверков

Воронежский институт МВД России

Поступила в редакцию 26 июня 2021 г.

Аннотация: *состояние, уровень и динамика преступности периода социальных потрясений, связанных с деградацией государственных структур, в том числе правоохранительной сферы, экономических неурядиц и бесконтрольного движения масс людей и оборота оружия, носят, по сути, вневременной характер и потому нуждаются в особом внимании исследователей. Магистральная исследовательская канва представленной работы – состояние преступности на стыке Гражданской войны и Новой экономической политики. Рассматриваются как преступления против личности и имущества, так и должностные преступления.*

Ключевые слова: *милиция, ОГПУ, НЭП, Гражданская война, преступность, Воронежская губерния, РСФСР.*

Abstract: *the state, level and dynamics of crime during the period of social upheaval associated with the degradation of state structures, including law enforcement, economic turmoil and uncontrolled movement of masses of people and arms trafficking, are, in fact, timeless in nature and therefore need special attention of researchers. The main research outline of the presented work is the state of crime at the junction of the Civil War and the New Economic Policy. Both crimes against the person and property, and official crimes are considered.*

Key words: *militia, OGPU, NEP, Civil war, crime, Voronezh province, RSFSR.*

Серия войн и революций первой четверти XX в. деформировали общественное сознание, утвердив насильственную модель решения проблем и получения средств к существованию. Большевистские эксперименты в сфере права и государственного управления, равно как и выборочное применение остатков права на практике, деморализовали общество и правоохранительные структуры, усилив негативные тенденции. Людям пришлось пережить новую «смуту», наполненную и интервентами, и разбойниками с большой дороги, и нечистыми на руку управленцами, чьи нестройные ряды оказались напшигованы разного рода проходимцами и карьеристами, примазавшимися к партии после перелома хода Гражданской войны в пользу большевиков.

Криминализации общества способствовали значительное ослабление пенитенциарной системы, распад единой уголовно-исправительной системы в период Гражданской войны и многочисленные амнистии на протяжении 1917–1927 гг. Совокупность этих обстоятельств позволила скрыться от правосудия и покинуть места заключения многим профессиональным преступникам. Бесконтрольный оборот оставшегося в огромном количестве после войн оружия сделал многочисленные банды «конными, людными и оружными».

Гражданская война не только способствовала процветанию бытового бандитизма, но и привнесла на территорию Воронежской губернии ранее неизвестный вид преступности – военный, связанный с преступлениями, совершаемыми представителями Красной или Белой армии. Легкость, с которой производились всевозможные реквизиции, отсутствие элементарных правовых процедур, связанных с использованием имущества мирных жителей (чаще всего – лошадей и средств передвижения, сельскохозяйственного скота и продовольствия), способствовали появлению преступников, грабивших население под видом эмиссаров красных или белых. Советские власти буквально тонули в массе жалоб, связанных с реквизицией имущества, но столкнулись с невозможностью раскрыть подавляющее большинство дел.

Переход к мирной жизни оказался долгим и трудным. Инфляция, безработица, разруха и голод стали главными ингредиентами социальной апатии, настроений безысходности. Наплыв беженцев, дезертиров и уголовников, яростный нажим государства не только изменил привычную, замкнутую, психологию крестьян, но и внес в нее тягостное состояние неопределенности.

Одним из характерных маркеров эпохи стал бандитизм. Само по себе явление «разбойничества» не было новым, но условия крайней нищеты, беспрецедентное давление государства, ослабление правоохранительных органов, массовый оборот оружия и

людей, имеющих опыт обращения с таковым, привели к невиданному росту бандитизма.

Неудивительно, что его пик пришелся на 1920–1922 г. – период социальной нестабильности и голода, свирепствовавшего в хлебоборной, черноземной губернии. Крестьянам не хватило оставшегося у них на зиму хлеба, поэтому уже в феврале 1922 г. в пяти уездах губернии стали фиксироваться случаи голодной смерти [1, с. 576]. Неблагоприятные погодные условия заставляли людей буквально с оружием в руках добиваться передела земли в надежде получить лишнюю десятину [там же, с. 604].

В 1923 г. продовольственное состояние несколько стабилизировалось, хотя общая экономическая обстановка оставалась далекой от идеала. На 3 декабря 1923 г. только в Воронеже числились 9466 безработных [2, л. 85]. Еще хуже дело обстояло в деревне – навалившиеся неурожай и варварская налоговая политика Советской власти, стремительное сокращение поголовья скота – к 1923 г. животноводство в губернии сократилось на 53 % по сравнению с последним предреволюционным 1916 г. [там же, л. 89 об.].

Говоря о состоянии, уровне и динамике преступности, мы должны обратить внимание на официальные показатели. Однако, рассматривая официальную статистику, необходимо учитывать некоторые особенности ее сбора. Во-первых, малочисленность милиции и уголовного розыска, вследствие которой определенная доля преступлений оставалась незамеченной властями. Во-вторых, в сельской местности регистрировались только серьезные преступления – такие как убийства, кражи, поджоги, наиболее дерзкие формы хулиганства. В-третьих, нет сведений о принципах учета последствий бандитских налетов – считалось ли каждое противоправное деяние, совершенное в ходе нападения на населенный пункт, отдельно или вносилось в статистику как одно преступление.

Уголовная статистика за 1922 г. отчетный год демонстрирует характерные особенности структуры преступности начала 1920-х гг. Из 11 931 зарегистрированного преступления (число, к слову, само по себе сравнительно небольшое) 60 % составляли кражи (по другим данным – 44 % [3, с. 23]). Вторая по численности группа – должностные преступления – присвоение, растраты, подлоги – 6,6 %. Третью строчку заняли убийства и покушения на убийство – 5 %. С учетом многочисленности банд, орудовавших в регионе, количество убийств можно считать сравнительно низким. К тому же сюда входили убийства и покушения на убийства советских и партийных работников, в том числе деятелей продовольственных отрядов. Порядка 10–15 % погибших составили работники милиции и уголовного розыска [4, с. 23].

Самой уязвимой к социальным пертурбациям группой стали дети. Проблема беспризорников неоднократно поднималась властями, однако выработать эффективного механизма защиты оставшихся без попечения детей не удавалось. Дефекты социализации и тотальная нищета способствовали вовлечению детей в сферу преступной деятельности, в том числе путем вербовки профессиональными преступниками. Редкие детские дома финансировались по остаточному принципу и не могли обеспечить ни должного ухода, ни организации досуга, ни получения рабочей профессии. К слову, в сентябре 1921 г. в Богучаре в детском учреждении от отравления мясом умерли 50 человек [5, с. 147]. Секретарь губкома партии Быкин признавал в 1923 г.: «Благодаря методу воспитания и отсутствия у всех детей ремесла – специальности, наши детдома являются поставщиками проституток и воров, хотя в общей постановке детдома производят хорошее очень впечатление» [6, л. 31 об.].

Гражданская война и похабная политика Советской власти в отношении деревни не могли не спровоцировать количества беспризорных детей. К концу 1924 г., по данным Т. М. Смирновой, в Воронежской губернии остались без попечения родителей 35 257 детей [5, с. 310]. В этом отношении губерния стала одной из самых неблагополучных в Республике.

Свой вклад в криминализацию общества внесли партийно-советские работники. Становление коммунистической партии как безальтернативного источника политической власти, обладающего доступом к скудным материальным ресурсам истощенного государства, привлекало в нее желающих поживиться статусом партийного работника. Среди наиболее распространенных должностных преступлений выделяются самоуправство, взятки и мошенничество, грабежи населения, самогоноварение, незаконное получение товаров через общества потребителей, произвол, хищение государственного имущества, использование служебного положения для сведения личных счетов. В среде партийных работников начала 1920-х гг. господствовали пьянство и грубость [7, с. 20]. В 1922 г. пьянством были заражены большинство партийных организаций губернии, в том числе и Воронежская [8, л. 52]. Улучшение ситуации, судя по протоколам партийных конференций и пленумов губкома партии, наступило лишь к 1924 г., после серии кадровых чисток.

Истеричная самоидентификация партии как непогрешимого светоча правды вкупе с мерещившимися повсюду врагами заставляла партийных чинуш смотреть сквозь пальцы на отдельные проступки своих собратьев по партийной вере, а самодержавные настроения превратили компартию в неподконтрольное правоохранительным органам сословие. Чувство

власти толкнуло некоторые умы на путь прямого бандитизма – с экономическими махинациями, ограблениями и убийствами [9, л. 80].

В феврале 1922 г. на пленуме губкома РКП(б) представитель Павловского укомпарта (пожалуй, самого неблагополучного в губернии) Ефретов свидетельствовал о мрачной картине повседневной жизни деревенских коммунистов, погрязших в «грабежах, убийствах, взяточничестве, торговле конфискованным имуществом» [10, л. 13]. Ядро банды в Верхнем и Нижнем Мамоне, занимавшейся убийствами, грабежами, вымогательством и торговлей конфискованным имуществом, составили председатель волисполкома, начальник милиции и члены бюро ячейки. В ходе разбирательства были арестованы 16 человек. В Нижней Гнилуше члены волисполкома собрали банду и грабили на дорогах. В с. Воронцовка местные коммунисты, в том числе секретарь ячейки, народный судья и начальник милиции, практиковали самовольные расстрелы и взятки, пьянствовали.

На протяжении 1923 г. десятки членов партии были исключены за пьянство, торговлю самогоном, взятки и иные должностные преступления. Часть дел направлялись в суд. Например, заведующий политбюро Боброва С. М. Разин растратил деньги из партийного фонда, проиграл 75 000 руб. бюджетных денег в очко и преферанс (для сравнения – 145 000 руб. было заложено на содержание милиции Воронежской губернии в 1922–1923 бюджетном году [11, л. 54]), спекулировал маслом и жмыхом с местного завода [12, л. 105].

Руководство губернии, отчитываясь перед московским начальством о состоянии партийной работы в марте 1923 г., списывало причины неприглядного положения на материальное положение членов партии и пагубное влияние «торгашей», спаивающих коммунистов в торговых пунктах [6, л. 8].

Нельзя сказать, что партийный бандитизм охватил всю губернию и носил массовый характер. Вместе с тем в некоторых уездах сложилась совершенно недопустимая ситуация. Особенно неблагоприятной обстановкой отметились Острогжский и Павловский уезды, где имели место совершенно вопиющие, человеконенавистнические факты. Широкую известность приобрели зверства уездных уполномоченных Павловского уезда Дуроченко и Грилина, направленных для борьбы с бандитизмом в окрестности Шипова леса. Оккупировав Клеповскую и Семеновскую волости, Дуроченко и Грилин собрали отряды из местных уголовников и начали планомерный террор в отношении жителей волостей, сопровождая свои действия убийствами, взятками, вымогательствами, расстрелами невинных людей по ложным доносам [13, л. 9]. Член губкома Аггеев отмечал по этому поводу: «Такое явление бандитизма со стороны упол-

номоченных и их пособников возмущало крестьянские массы и [вызывало] ненависть к Советской власти». В Семеновской волости людей расстреливали на глазах их семей. Богатых крестьян убивали с целью овладения их имуществом [там же, л. 9 об.]. Собранные уполномоченными банды отбирали у людей скот, сельскохозяйственные орудия, хозяйственную утварь, одежду. На двоих Дуроченко и Грилин расстреляли не менее 61 человека.

Несмотря на все злодеяния, уездные власти до последнего пытались оправдать указанную шайку садистов. Народный судья Нежелский вынес участникам банды «карательной тройки» оправдательный приговор, а крестьяне, обратившиеся за помощью, были осуждены на 6 месяцев концлагерей «за ложные показания». Только после того, как дело дошло до Москвы, продажный судья все-таки был смещен и отправлен под суд [там же, л. 10 об.].

В 1922 г. до ВЦИК дошло дело Шестаковской волости Павловского уезда, где были бессудно расстреляны 54 человека. Специальная комиссия, созданная президиумом губкома, установила «факты незаконных расстрелов и вопиющих нарушений элементарных норм человеческого общежития». Четверо карателей после вмешательства Москвы были приговорены к высшей мере социальной защиты. Партийные власти признавались: «так называемые “Шестаковские” события не являются отдельным эпизодом в Павловском уезде. Явления аналогичного свойства имели довольно значительное распространение в названном уезде» [там же, л. 8].

Непоправимый ущерб воронежской деревне нанесли так называемые «продовольственные отряды». Нет нужды напоминать о функциях и задачах данной когорты советских работников. Продработники отличались особой жестокостью и редко привлекались к ответственности за свои злодеяния. Житель Землянского уезда Копчагин писал в губком в декабре 1921 г.: «Какойнибудь агент упродкома желая выслужиться и хорошо зная, что с того или иного села невозможно получить полностью разверстку, хотя бы пришлось вытрясти до зерна и он все таки это делает и берет даже все не исключая и лебеды» [14, л. 12 об.]. Самовольно устанавливаемые продотрядовцами поборы оставляли людей без средств проживания. Часть награбленного присваивалась самими продотрядовцами. Если же крестьяне пытались подняться против таких агентов, село объявлялось контрреволюционным со всеми последствиями.

Разумеется, Москва предпринимала определенные шаги к сдерживанию наиболее одиозных адептов. 3 марта 1921 г. ВЦИК осудил самоуправство продотрядовцев и объявил, что применение продотрядовцами «истязания и вообще насильственных действий при выполнении разверстки» должно обязательно

передаваться на рассмотрение в Ревтрибуналы [15, с. 142].

«Перегибы», как модно было называть в ту эпоху преступления карьеристов и проходимцев, не могли не повлиять на криминогенную ситуацию в губернии. Даже губком признавал: бандитизм – «хотя и уродливая, но конкретная форма специфического протеста и возмущения крестьянства против неприемлемых для него мероприятий Сов. Власти» [9, л. 16]. В государстве рабочих и крестьян последние оказались нелюбимой падчерицей, Золушкой, задача которой сводилась к рабскому труду с целью обеспечения продовольственного благополучия городов и компартии.

С конца 1920 г. губернское управление милиции отмечает рост преступности, в частности бандитизма [16, с. 173]. Бандитизм Воронежской губернии получил широкое распространение с началом Гражданской войны, а на протяжении первой половины 1920-х гг. его развитие провоцировалось неурожаем и грабительской политикой Советской власти. В свою очередь, бандиты использовали политическую нестабильность и неоднозначное отношение населения к Советской власти, выдавая за борцов с Советами.

Нестабильность социально-экономической ситуации способствовала смешению политического и уголовного бандитизма. Еще в декабре 1920 г. в этом признавалась и ВЧК: «Вообще приходится констатировать, что как на Украине, так и в Центральном районе трудно отличить, где кончается бандитизм и где начинается повстанческое движение. И то и другое так тесно переплелось, что их трудно разграничить. Одно обуславливает другое и наоборот. Последние известия из Воронежской губ. полны тревожных сообщений» [1, с. 369]. На этом фоне кажутся странными потуги губотдела ГПУ представить возмущение крестьян в качестве следствия давнего влияния в Воронежской губернии эсеров-народников, причувивших крестьян возмущаться по любому поводу [2, л. 62 об.].

Бандитизм представлял наибольшую угрозу общественной безопасности среди всех видов преступности. Катастрофа в социально-политической сфере создала благоприятную почву для его развития. 1920–1922 гг. выдались в Воронежской губернии засушливыми и неурожайными. При этом власть не сделала никаких налоговых послаблений. Летом 1921 г. в Алексеевском, Бобровском, Богучарском, Валуйском, Новохоперском, Острогожском, Калачевском и Павловском уездах – самых пострадавших от голода – действовали крупные конные бандитские формирования в несколько сотен человек, совершавшие налеты на населенные пункты [7, с. 17]. Характерно, что бандитизм носил «сельский» характер – большинство банд действовали вне городов. Врид

начальника губотдела ГПУ Лебединский в докладе секретарю Воронежского укома РКП(б) Аггееву 29 июля 1922 г. отмечал, что «население Воронежской губернии переживает небывалый для него голод, питается травой, лесными листьями и прочими суррогатами», «страшно интересуется о предстоящем продналоге и боится, что оно опять останется без куса хлеба после изъятия такового». В некоторых районах крестьяне были не в состоянии внести причитающийся с них продналог и на этой почве открыто говорили, что от такого требования «поневоле пойдешь в банду» [13, л. 32 об.].

Большое распространение получили конные банды. Лошади делали банды быстрыми и маневренными, позволяли уходить от преследования и переходить из одной местности в другую. Значительная часть бандитских групп укладывалась в диапазон 10–20 человек. В первые годы после окончания Гражданской войны на территории губернии сохранялись крупные конные формирования бандитов. Например, банда Фомина, по большей части ликвидированная в 1922 г., насчитывала до 250 сабель.

В качестве укрытий использовались лесные массивы – Шипов лес в Павловском уезде, лесной массив в окрестностях Таловой.

В мае–июне 1921 г. госинфосводки сообщали о крупных бандах в южных уездах и мелких бандитских группах в Павловском и Новохоперском уездах [1, с. 445]. В ноябре в Новохоперском уезде действовала банда братьев Горожжевых в 17 сабель, а также неизвестная банда в 20 человек. Из Донской области прибыла банда в 200 сабель, отметившаяся убийством десяти советских работников и ограблением кооператива [там же, с. 526].

Костяк банд и повстанческих формирований составляли крестьяне, а вот руководство осуществляли профессиональные преступники. По данным ГПУ, по некоторым губерниям Центра банды состояли на 80 % из бедноты и только на 20 % – из уголовников-рецидивистов [17, с. 342]. В бандитские группы охотно вливались дезертиры. В зависимости от ситуации банды могли разбиваться на мелкие группы и потом соединяться. Маневренность банд, их непрерывная миграция затрудняли их идентификацию и ликвидацию, хотя, как правило, переходы ограничивались соседними уездами, например, в 1920 г. наблюдался наплыв банд из Борисоглебского уезда в Новохоперский [18, с. 40].

Несмотря на некоторую стабилизацию продовольственного положения в 1923 г., бандитизм не исчез, хотя милиция, уголовный розыск и ГПУ прилагали максимальные усилия для его ликвидации. Всего в 1922 г. правоохранительным органам удалось ликвидировать 8 из 13 известных бандитских групп [19, л. 10]. В 1923 г., по данным ОГПУ, было ликви-

дировано 4986 бандитов. Из этого числа 299 бандитов были амнистированы и расплылись по югу губернии, уходя в деревни, где возможности милиции и уголовного розыска были ограничены, принявшись за старое ремесло [2, л. 63].

В 1923 г. наметилась тенденция к снижению численности банд. Стало появляться больше одиночек. Неспособность властей привести в порядок уголовно-исправительную систему приводила к переполненности тюрем и вынуждала проводить периодические «разгрузки» тюрем. Власти колебались в вопросе методов борьбы с преступностью, переходя от силового подавления банд с погонями и перестрелками до амнистий и обратно. К слову, в конце 1921 г. была объявлена амнистия, в ходе которой некоторые участники бандформирований сдались добровольно, но в скором времени вернулись к преступной деятельности.

В июле 1922 г. Калачеевская организация РКП(б) пожаловалась на усиливающийся мелкий бандитизм, превышающий уровень 1921 и 1922 г. Банды имелись едва ли не в каждой волости, как правило – пришлого происхождения. Партийные работники отмечали случаи сочувствия бандитам местного населения. Более того, «также нет гарантий, что содействие оказывают даже и некоторые члены партии крестьянских ячеек, вынужденные в силу тяжелого материального положения не отказаться возможным в свое время помощи от них...». Особенное развитие бандитизм получил в районах, граничащих с Донской областью. Малочисленная и слабая милиция не могла сдерживать рост преступности. «Социалистическая законность» в уезде трещала по швам – вследствие голода жители покидали свои дома и вели бродячий образ жизни, «запущая нищими северную часть уезда» [20, л. 143].

Большой популярностью среди бандитов пользовались перемещения на границе с Донской областью, что было связано с отвратительным взаимодействием милиции и ОГПУ двух регионов: и те и другие, преследуя бандитов, стремились, прежде всего, вычистить их из подведомственной территории, не заботясь о дальнейшем ходе событий. Особенно страдал от наплыва банд из Донской области Калачеевский уезд.

В городах, помимо традиционных преступлений, распространились кражи и грабежи и на железнодорожных узлах, а также экономические преступления. Хищения грузов стали приобретать значительные масштабы уже с 1921 г. В качестве иллюстрации отметим, что только за первую половину июня 1922 г., т. е. всего за 15 дней, на железных дорогах губернии было украдено 12 469 пудов груза, т. е. более 13 тонн каждый день [21, л. 10 об.]. Кражам в первую очередь подвергались продовольственные товары. Порядка

трети похищенного приходилось на топливо: уголь и дрова. Массовость подобного преступления стала возможна «благодаря» экономии на сторожевой охране и недостаточному денежному обеспечению железнодорожных агентов, вынужденных красть дрова из-за необеспеченности топливом [там же, л. 53 об.]. Хищения велись группами, организованно. По признанию Дорожно-транспортного отдела ГПУ, значительная часть хищений оставалась нераскрытой [22, л. 90]. На Лискинском железнодорожном узле ограбления сопровождалось убийствами охраны и сотрудников ВЧК [12, л. 104].

Монополизация ряда отраслей экономики, в том числе продовольственной, создала благоприятные условия для формирования злоупотреблений служебными полномочиями и увеличением процента преступлений, совершаемых в государственном секторе, особенно в продовольствии. В исследуемый период распространились такие виды преступлений, как фальсификация отчетности с целью вывода части произведенного на черный рынок, совершение незаконных коммерческих сделок с частными торговцами [20, л. 39]. Волисполкомы и Сельсоветы при составлении ликвидационных актов на павший скот завышали количество погибшего скота, представляли фиктивные акты в Губстрах с целью получения страховых выплат [15, с. 82]. Губсоюзом практиковались продажи продовольствия без договора или отпуск товара по завышенной цене [23, л. 89].

Известны случаи покровительства преступлений со стороны партийных и судебных органов. Например, в январе 1921 г. были признаны виновными в должностных преступлениях и расхищении продуктов служащие Алексеевской заготовительной конторы [там же, л. 8 об.]. В ходе разбирательства было изобличено соучастие в кражах работников губернского продовольственного комитета, прикрывавшихся влиятельными родственными связями. Судом был вынесен обвинительный приговор, однако, пользуясь покровительством работника губернского революционного трибунала, осужденные были освобождены от уголовного преследования [там же, л. 9].

К середине 1920-х гг. основное внимание бандитов смещается в города как более благополучные в продовольственном (!) и материальном отношении, нежели деревни. В некотором роде этому способствовала активная и успешная работа милиции и ОГПУ, сумевших разгромить большинство действовавших в уездах банд. Начальник губотдела ГПУ Шевелев, оценивая в 1925 г. уровень преступности в губернии, отметил сохранение повышенной криминогенной опасности, выразившейся, в частности, в убийствах представителей милиции, ОГПУ и суда в уездах. Неудачи в борьбе с уголовной преступностью главный чекист губернии относил на преступную халатность

администрации исправительно-трудовых домов, позволявших преступникам нарушать режим содержания, а также слабый кадровый состав милиции и уголовного розыска [24, л. 23–24].

Губисполком, в свою очередь, в целом остался доволен деятельностью Административного отдела за 1923–1924 гг. В частности, милиции и уголовному розыску удалось снизить уровень конокрадства, были ликвидированы отдельные мелкие шайки [15, с. 8]. К 1925 г., несмотря на очередную волну голода, наблюдалась стабилизация положения в уездах. «Бюллетень о движении бандитизма по СССР за время с 1-го января по 1 апреля 1925 г.» отметил на территории Воронежской губернии всего 10 банд. Сократилась и средняя численность преступных групп – до трех-шести человек [24, л. 108 об.].

В городах, напротив, работа для милиции и уголовного розыска только прибавлялась. К примеру, достигла высокого уровня преступность на железнодорожном узле в Лисках. Рабочие даже были вынуждены обратиться в губернские учреждения с просьбой принять соответствующие меры [там же, л. 44]. Нельзя не отметить проходящую через служебные документы партийных и правоохранительных органов обеспокоенность растущей уголовной преступностью. В марте 1925 г. начальник губернского отдела ОГПУ И. А. Шевелев отмечал, что «в последний период времени не только в г. Воронеже, но преимущественно на местах и узлах ж.д. линий стал в значительной мере расти уголовный бандитизм такого размера и наглости, что мы явились свидетелями недавнего вооруженного нападения на ж.д. артельщиков ст. Лиски, несмотря даже на то, что последние были сопровождаемы специальной охраной» [там же, л. 56]. Увеличение вооруженных ограблений и налетов фиксировала милиция Острогожского уезда [там же, л. 69].

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. наблюдается преобладание следующих специфических для эпохи преступлений: массовый бандитизм в сельской местности на фоне голода, нищеты и чрезмерной налоговой нагрузки; должностные преступления, связанные с мошенничеством и превышением служебных полномочий; формирование в уездах мафиозных кланов из числа партийных, торговых и судебных работников; бандитизм и грабежи на железнодорожных узлах; рост детской и подростковой преступности вследствие увеличения беспризорности. Частичная реставрация капитализма позволила преступникам проворачивать аферы в торговой сфере.

В немалой степени ответственность за ухудшение криминогенной обстановки в губернии лежала на союзном руководстве: правительственные опыты над правоохранительной системой, постоянное перетря-

хивание состава и задавленность партийным, судебным и прокурорским контролем били по рукам, усиливали текучку кадров. Настоящий удар по милиции и уголовному розыску нанес перевод их содержания в 1923 г. на местный бюджет, фактически означавший резкое сокращение и без того скромного финансирования. Милиция и уголовный розыск продолжали работать «вопреки», а не «благодаря».

Кульминация эпохи НЭП пришлось на снижение бандитизма в уездах. В то же время зримо росла преступность в городах. Требовалось не только коренное улучшение качества жизни населения, но и перестройка деятельности правоохранительной системы исходя из меняющегося характера преступности, что и начал осуществлять Административный отдел Воронежского губисполкома.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД : документы и материалы : в 4 т. Т. 1. 1918–1922 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М. : РОССПЭН, 1998. – 861 с.
2. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 717.
3. Токмаков И. В. Становление и деятельность органов советской милиции 1917–1930 годов : на материалах Центрального Черноземья : дис. ... канд. ист. наук / И. В. Токмаков. – Курск, 2003. – 195 с.
4. Алексанян Н. А. Становление и деятельность советской милиции Воронежской губернии в годы Гражданской войны (1917–1922) / Н. А. Алексанян // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11 (61). – Ч. II. – С. 16–27.
5. Смирнова Т. М. Дети страны Советов : от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 / Т. М. Смирнова ; Институт российской истории Российской академии наук. – М. ; СПб. : Институт российской истории РАН, 2015. – 384 с.
6. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 706.
7. Алексанян Н. А. Становление советских органов власти Воронежской губернии в 1917–1922 гг. : организационный, кадровый аспекты : дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Алексанян. – Воронеж, 2017. – 286 с.
8. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 460.
9. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 445.
10. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 448.
11. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1033.
12. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 309.
13. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 467.
14. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 347.
15. Сборник важнейших постановлений сессий, пленумов и президиума Воронежского Губернского исполнительного комитета XII созыва. – Воронеж : Издание Губисполкома, 1925. – 117 с.

16. Ельчанинов П. М. Преступность в российской провинции в период новой экономической политики Советского государства, 1921–1928 (на материалах Курской губернии) / П. М. Ельчанинов // Власть. – 2018. – № 1. – С. 170–175.

17. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 1168 с.

18. Перцев В. А. «Именем революции!» : из истории создания и деятельности Воронежского губернского

революционного трибунала в 1917–1923 гг. / В. А. Перцев // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2008. – № 1. – С. 28-43.

19. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 462.

20. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 451.

21. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 468.

22. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 469.

23. ГАОПИ ВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 463.

24. Государственный архив Воронежской области. – Ф. Р-5. – Оп. 1. – Д. 2.

Воронежский институт МВД России

*Зверков Е. А., кандидат исторических наук, доцент
кафедры социально-гуманитарных, экономических и
правовых дисциплин*

E-mail: ZverkovPhD@yandex.ru

Voronezh Institute of Russian Ministry of Internal Affairs

*Zverkov E. A., Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of the Department of Sociohumanitarian,
Economic and Law Disciplines*

E-mail: ZverkovPhD@yandex.ru